

Н.М. Сабельфельд

Новосибирский государственный педагогический университет

**Язык Румянцевского летописца и Есиповской летописи
(о соотносительности текстов сибирских летописей)**

Аннотация: Статья посвящена анализу языковой организации повествовательных текстов сибирских летописей.

Ключевые слова: летопись, текст, глагольная форма, нарратив, повествовательный текст.

Сибирскими летописями традиционно называются памятники повествовательного характера, совместившие черты исторических и воинских повестей, объединяющие более 80-ти текстов, созданных на протяжении XVII века и отразивших события, связанные с покорением Сибири. Все тексты сохранились в рукописях XVII–XVIII вв. и отличаются друг от друга отбором материала, трактовкой похода Ермака, стилистической и языковой организацией. С историографической точки зрения сибирские летописи делятся на группы (типы) [Бахрушин, 1955; Ромодановская, 2002] и образуют три линии сибирского летописания [Дергачева-Скоп, 2000]. Разрабатывая концепцию сибирского летописания, Е.И. Дергачева-Скоп высказала предположение, что исходным текстом, подвергшимся дальнейшей переработке в Есиповской и Строгановской летописях, был текст Румянцевского летописца [Там же]. Другие исследователи рассматривают Румянцевский летописец как возможное сокращение Есиповской летописи, сделанное для включения сведений о сибирском взятии в общерусский свод [Ромодановская, 2002].

В данной статье мы не ставим задачу скорректировать существующие концепции сибирского летописания или предложить новые. Нас интересует языковая организация повествовательных текстов. В качестве материала для сопоставительного анализа нами были выбраны два текста: Есиповская летопись основной редакции по Сычевскому списку (текст опубликован в [ПСРЛ, 1987]) и Румянцевский летописец, опубликованный в [Летописи сибирские, 1991]. Значительный объем совпадений в обоих текстах может свидетельствовать как о едином протографе, так и о том, что один из рассматриваемых текстов является производным по отношению к другому (стилистическое распространение или, наоборот, сокращение). Но в любом случае их можно анализировать как оригинальные тексты, поскольку не менее значительными являются и отличия, отразившие на языковом уровне разные коммуникативные задачи, уровень книжной учености и языковой компетенции авторов-составителей.

Авторы обоих текстов – «книжные писатели», имевшие навыки книжной работы, владевшие системой так называемого стандартного книжного (стандартного церковнославянского) языка канонических церковных памятников и гибридного книжного языка, представленного в летописях и других исторических сочинениях (о регистрах письменного языка XVII века [Живов, 2004]). В арсенале языковых средств древнерусского книжника объединялись восточнославянские и церковнославянские элементы, что порождало неоднородность языка письменных текстов, морфологическую вариативность. «Выбор вариантов указывал на тради-

ционность текста, на те образцы письменного узуса, к которым должен примкнуть новый текст. Если текст создавался в определенной жанровой традиции (летописной), выбору вариантов был свойствен консерватизм. В текстах, где жанровая традиция оказывалась прерванной, возрастала пропорция инновативных форм» [Там же, с. 59].

Язык гибридного узуса характеризовался архаичной системой склонения и спряжения, например, сохранением в повествовании простых претеритов, предикативным употреблением КДП; инфинитивом на *-ти*; использованием оборота «дательный самостоятельный» и др. В этом он был близок стандартному книжному языку. Но при создании летописей с неизбежностью возникали нестандартные коммуникативные задачи, которые способствовали интерференции книжных и не книжных языковых средств, так как при обращении к местному материалу на начальном этапе отсутствовали стереотипные способы его изложения [Там же, с. 64].

Есиповская летопись «была памятником возникающей русской литературы в Сибири и представляла собой попытку оценить и осознать историю Сибири изнутри» [Ромодановская, 2002, с. 94]. В задачи автора входило изобразить присоединение Сибири к России как заранее предрешенный факт – по воле Божьей, поэтому моральная оценка событий и авторское отношение к ним пронизывает все изложение. С. Есипов переработал доступные источники информации (татарские летописи, Написание Ермаковых казаков, Синодник) и книжные образцы (Хронограф, Писание) в соответствии со своим литературным опытом и языковой компетенцией и воссоздал во многих чертах древнерусскую летопись. Типологическая близость ЕЛ к летописным памятникам древнейшего периода проявилась в общих принципах отбора и изложения материала (ср. близость к Повести временных лет [Ромодановская, 2002, с. 131]). Ориентируясь на образцы, С. Есипов составлял свой труд в рамках гибридного книжного регистра, при этом архаизация повествования сопровождалась умеренной «церковнославянизацией» языка. В тексте нет случаев несовместимости старой формы с содержанием или фонетическим обликом слова (ср., например, в Погодинском летописце: «выскакаша»). Кроме того, используя Хронограф (при явной компиляции) автор ЕЛ с осторожностью применяет «плетение словес» даже в самых высоких риторических моментах повествования. Однако в ЕЛ нашли отражение и общерусские элементы, характеризовавшие живой разговорный язык того времени: новые падежные формы, л-формы, деепричастия, новый фонетический облик слов, новая лексика и постепенно формирующийся новый строй предложения.

Румянцевский летописец – это в большей степени историческое повествование, составленное как лаконичный отчет о сибирских событиях, чем собственно летопись. Предполагается, что текст создавался в Москве, для Посольского приказа (ср. вставки в текст о казанских татарах и о преставлении царя Ивана Васильевича) [Летописи сибирские, 1991, с. 268]. Стремясь быть объективным, автор летописца сообщил и о разбойном прошлом Ермака и его дружины, и о возможном участии Строгановых в снаряжении похода в Сибирь, в то время как С. Есипов об этом умолчал. Имея в своем распоряжении некий текст-источник, автор переработал его, устранив не информативные с его точки зрения отступления от основного сюжета, оставив за рамками своего рассказа многие моменты дорусской истории Сибири, не оценивая исторические события и не обосновывая справедливость христианского просвещения покоренных народов. В тексте отсутствуют все словесные украшения, риторико-поучительные отступления, используется система гибридного книжного языка, но без излишней архаизации и церковнославянизации, что способствует проникновению в текст и новых языковых элементов общерусского характера.

Как известно, в реализации авторских коммуникативных стратегий участвуют единицы не всех уровней языка, и наиболее значимыми оказываются, синтак-

сис и глагольные формы как средство развертывания повествования, как ядро высказывания [Живов, 2004]. В статье мы остановимся на сопоставлении употребления глагола в структуре названных текстов, поскольку глагольный рисунок (авторский выбор и использование глагольных лексем и форм) является важной характеристикой авторской работы над текстом.

В организации повествования в разной степени участвуют простые формы прошедших времен – аорист и имперфект – основные повествовательные времена, настоящее-будущее простое, предикативные действительные и страдательные причастия, а также инфинитив и полные причастия.

Количественное соотношение глагольных форм и их совпадений в сравниваемых текстах выглядит следующим образом:

Глагольные формы	ЕЛ	РЛ	Совпадения
Аорист	491	301	177
Имперфект	46	15	5
Прошедшее на -л	14	9	3
Перфект со связкой	3	-	-
Настоящее-будущее простое	100	48	17
Инфинитив	77	51	29
КДП	85	66	17
КСП	49	20	10
Полные причастия	49	16	5
Причастия в составе оборота «дательный самостоятельный»	16	9	3
Всего форм	930	535	263

Как видно из таблицы, в Есиповской летописи форм глагола почти в 2 раза больше, чем в Румянцевском летописце. Это связано с фактическим объемом текстов: РЛ короче текста ЕЛ, расширенного за счет включения сведений из татарских летописцев, обработанных фрагментов Хронографа, авторских отступлений и цитат из Писания. Меньшая «глагольность» РЛ объясняется и авторским стремлением избежать многословия путем устранения малоинформативных элементов высказывания. Наибольший процент совпадений у форм аориста, инфинитива и кратких страдательных причастий прошедшего времени. Это самые нейтральные, немаркированные стилистически формы, имевшие распространение в книжном и гибридном узусах письменного языка. Чем выше книжный статус и экспрессивность глагольных форм, тем меньше их совпадений в сравниваемых текстах, тем ярче проявляются отличия в их использовании у разных авторов.

Мы исключили из рассмотрения общие для обоих текстов фрагменты, хотя при лексическом и грамматическом совпадении отдельные части текста нередко различаются внутренней организацией (порядком следования слов или предикативных частей) – актуальным членением, но это предмет отдельного исследования.

Наиболее употребительной глагольной формой в наших текстах является аорист – основная нарративная (повествовательная) форма прошедшего времени. Формы имперфекта занимают незначительное место в повествовании и более характерны для ЕЛ, чем для РЛ. Формами же на -л, как нам кажется, в данном случае можно пренебречь: они не конкурируют с формами аориста, точно проявляясь во фрагментах, которые опираются на деловые документы. Можно сказать, что эти формы в основном повествовании обоими книжниками старательно избегаются. Единичные случаи замены аориста формой на -л объясняются интерфе-

ренцией с разговорным узусом при ослаблении внимания автора. Также не показательны 3 формы перфекта со связкой, традиционные для стандартного книжного языка, отмеченные в ЕЛ при цитировании Писания, ср.: «И повсюду благодать излилася божия в Сибирстей земли по писанному: *«Посетил еси землю и упоил ея, умножил еси...»*».

Авторское отношение к излагаемым фактам, заинтересованность и включенность в повествование проявляется на грамматическом уровне в употреблении личных форм глагола (аорист, настоящее время в 1-м лице единственного числа). Так, авторская речь, содержащая ремарки, пояснения, обращенные к читателю, в структуре Есиповской летописи занимает важное место. Автор активен, заинтересован в подробном и красочном рассказе, напоминает о себе, включая замечания от первого лица. Например: «Река, глаголемая Ишим, вниде устьем своим в реку Иртиш, иже прежде *именовах*» (ЕЛ); «Тотаря закон Моаметов держат, калмыки же которой закон или отец своих предание, *не вем*, понеже бо писмени о сем не *обретох* и ни испытати *возмогах*» (ЕЛ). С. Есипов в каждом удобном случае подчеркивает свою работу над материалом летописания, вводя формы 1 лица (*не вем*, *не обретох*, *не возмогах*) (ЕЛ). Автор Румянцевского летописца, напротив, отстраняется от описываемых событий, он лишь объективно повествует, не претендуя на авторство в поисках материала для своего повествования, что подчеркивается использованием безличных предикатов вместо глагольных форм 1 лица. Ср.:

ЕЛ

«Прежде же сего како сия нарицашеся, *не вем*, понеже отнеле же град Сибирь создан много лет преиде, испытати *не возмогах*. Прежде бо живяше чюдь по всей Сибирстей земли, а како нарицашеся, того в память никому не вниде, *ни писания обретох*».

РЛ

А как сибирстии гради имены нарицалися, и се *неведамо* и ни откого же *испытано*, понеже бо прежде живяше по всей Сибирской земли чюдь, посему и *писания несть*».

Степень владения системой книжного языка проявляется в том, насколько грамматически правильно употребляются глагольные формы, например, имперфект и аорист. Сравнение текстов по параметру *грамматическая правильность* выявило больше ошибок в тексте Есиповской летописи. Здесь отмечены случаи нарушения согласования в форме числа аористного сказуемого с подлежащим (аорист с окончанием единственного числа вместо множественного или наоборот). Например: «*бысть реки пространныя*»; «Маровы же *дети* Ядер и Ябалак *умре* своею смертью»; «*Поведаша* же им *сей* все про царя Кучюма». Интересно отметить, что чаще всего ошибочной оказывается форма аориста глагола «быти». Скорее всего, это следствие разрушения спряжения нетематического глагола в настоящем времени, которое коснулось и форм аориста. Подобных ошибок в Румянцевском летописце нет, очевидно, его автор имел больший опыт книжника, поскольку все формы глагола (или почти все) использованы им безошибочно, грамматически верно. В соотносительных фрагментах ошибки устранены заменой окончания либо исключением неправильной формы глагола из текста. Ср.:

ЕЛ

«В то же время *князцы* остяцкие своими людьми *отъиде* кождо восвояси»;
«*стрелиша* из городка из пушки и древо оно...*разби* на многия части»;

РЛ

«*Княжцы* же остяцкия своими людьми *отидоша* кождо восвояси»;
«*стрелиша* ис пушки из городка и древо...*разбиша* на многия части»;

«Силни убо стреляти, яко тако-
во древо **разби**»;

«**Прибеже** во град свой царь
Кучюм и **взя** мало нечто от сокро-
вищъ своих, и **вдашася** невозврат-
ному бегству со всеми вои своими»;

«Ермак же з дружиною **погна**
вслед поганых и **достигоша** их»;

«По сем же думный его **Кара-
ча... отъиде** от царя Кучюма и **не
восхотеша** быти в повиновении
пред ним»;

«и **убояшася** воевода, **не при-
ста** ко берегу»;

«яко **казаки побегоша**, град же
же Сибирь **остави** пуст».

«Силни убо стреляти, яко тако-
во и древо на многия части **разбиша**
стрелою»;

«**прибежа** во град, и **взя** мало
нечто от сокровищъ своих царских, и
побежа со своими»;

«Ермак же со иными казаки
догна их, и много **поби** поганых»;

«Потом же и **Карача** от него **уе-
ха, не восхоте** быти у него в пови-
новении»;

«и **убояся**, **не приста** ко берегу»;

«яко **град Сибирь остася** пуст».

Поскольку основной текст обеих летописей значительно пересекается и отличается только окончаниями глагольной формы, создается впечатление, что в РЛ сознательно выправлялись ошибки протографа.

Что касается имперфекта, то он занимает неустойчивое положение в обоих текстах. К XVII веку даже в стандартном книжном языке имперфект уступал по употребительности формам аориста. Парадигма имперфекта ограничивалась формами 3-го лица единственного и множественного чисел. Имперфект оказывался лишенным своей собственной грамматической семантики, так как, имея основу несовершенного вида, сближался семантически с формами настоящего времени и с краткими действительными причастиями настоящего времени. К тому же имперфект в форме 3-го лица единственного числа глаголов 2-го спряжения (на *-аше*) по внешнему облику совпадал с формой КДП настоящего времени множественного числа (с книжным суффиксом *-аще*), особенно в тех случаях, когда имело место графическое смешение «ш» и «щ».

Ориентируясь на книжные образцы, автор Есиповской летописи использует похожие формы, но без ошибок ему даются только формы 3-го лица множественного числа (на *-аху*), по внешнему виду четко отличающиеся от других форм, в том числе и от форм аориста. Формы 3-го лица единственного числа (на *-ше*) в основной массе оказываются ошибочными. Они употребляются вместо форм 3-го лица множественного числа, смешиваясь с близкими по звучанию формами аориста множественного числа (на *-ша*), либо вместо КДП настоящего времени. Ср.: «...како сия (*грады*) **нарицашеся**»; «закона божия не *ведаше* и покланяющеся идолом и жрут бесом...»; «инии же *бежаше*»; «оставшая во граде *видяше*, яко...». Практически во всех случаях в соответствующих фрагментах Румянцевского летописца ошибки оказываются снятыми: форма имперфекта заменяется более ясной грамматической формой, соответствующей контексту, в нужном числе, например, формой настоящего времени, аориста, л-формой и КДП, либо опускается. Ср.:

ЕЛ
«и кровь **пияху**, яко воду, от
животных и траву и корение **едяху**»;
«где **обретаемы бываху**»;
«**мняху**, яко...»;
«начаша ж жрети пред ним, **на-
чяхуся** помозию его христиан **взя-
ти**»;

РЛ
«и кровь **пюют**, яко воду и ко-
рение **ядят**»;
«где **ни обряцуют**»;
«**мняще** бо, яко...»;
«начаша ему жрети, **надеющеся**
помозию его град **взяти**»;

«плакаху»;	«плакашася»;
«яко наставаше зима»;	«яко наста зима»;
«обночевашася», «бежаше к Руси»;	«обночевашася»; «побегоша к Руси»;
«Гради сибирстии ... како сия нарицашася»;	«как сибирстии гради имены нарицалися»;
«живяше в нем царь лета многа и умре»;	«ту пожив и умре»;
«Побежим <i>не медляше</i> » (имперфект в позиции деепричастия);	«Побежим <i>немедля</i> » (одиночное деепричастие-наречие образа действия);
«Глаголаше же много о мирном поставлении» – сказуемое-имперфект с ошибкой в окончании (ед.ч. вместо мн. – <i>глаголаху</i>);	«И многу глаголаню бывишу о мирном поставлении» – оборот «дательный самостоятельный» организован КДП прошедшего времени;
«и тако <i>стояше</i> и бишася день цел»;	«и бишася с ними целой день»;
«немногия веси агарянския поплени, и бежа, идеже <i>пробываше</i> ».	«немногия веси агарянския поплени, и побежа восвоися».

Таким образом, примеры показывают, что в РЛ формы имперфекта – явление редкое, но в тех фрагментах, где встречаются, они употреблены без ошибок, грамматически и стилистически оправданно, например: «...прежде бо *живяше* по всей Сибирской земли чюдь»; «за руки имающе *сечахуся*» (воинская формула); «Ермак же *утешаше* его»; «многажды *покушашася* идти на Сибирь».

Формы настоящего-будущего простого времени обычны для контекста прямой речи и в словах автора при обозначении действия, ориентированного на момент речи, т.е. в значении абсолютного времени в прямом употреблении [Бондарко, 1971]. В повествовании они могут использоваться как средство образной актуализации прошедших событий (переносно), в плане так называемого настоящего исторического, отличающегося особым эмоционально-экспрессивным оттенком [Русская грамматика, 1980], а также для согласования временных планов частей сложной конструкции, т.е. в значении относительного времени. В Есиповской летописи формы настоящего-будущего простого употребляются, главным образом, в абсолютном значении – в составе прямой речи и при описании местоположения, флоры и фауны Сибири в водной части летописи. Но в повествовательной части текста они функционируют в плане настоящего исторического, конкурируя с формой аориста и придавая повествованию изобразительность. Например: «уведано бысть царю Чингису про Таибугу...и *приемлет* сего, и великою честью почте его, *дарует* же сему княжение...»; «Царь Чингис, слыша от Таибуги, яко покори ему многи..., наипаче честь ему *дарует*».

В Румянцевском летописце форм настоящего-будущего простого в два раза меньше, чем в ЕЛ. Употребляются они в своем абсолютном временном значении: в незначительном количестве конструкций прямой речи и в кратком рассказе о природе Сибири (как и в ЕЛ). Отмечено также несколько случаев относительного их употребления в составе придаточного предложения. Например: «Казаки же мняше, яко нечто *лукавнуют* погании»; «...начаша везде казаков убивати, *где ни обряцут*» (ср. в ЕЛ: «начаша во многих местех казаков побивати, *где обретаеми бываху*»); «...приидоша ...вестницы, яко царь Кучном *не пропустит* в Сибирь». Однако ни разу не встретилось переносное употребление форм настоящего-будущего простого времени. Настоящее историческое как достаточно экспрессивное средство в РЛ избегается, повествование о прошедших событиях ведется в формах прошедшего времени – аориста и даже имперфекта. Например:

ЕЛ	РЛ
«...царь же Кучюм...оскорбися зело. И паки мысль свою <i>предлагает</i> , вскоре <i>посылает</i> во всю державу...»;	«...царь Кучюм велми печален бысть...и вскоре <i>посла</i> (аорист) во всю свою державу...»;
« <i>Приемлет</i> же сей отчину отца своего Бекбулата и тако пребываше во граде»;	«И <i>прият</i> (аорист) отчину отца своего Бекбулата»;
«Ермак же прият сего, <i>поведает</i> ему царское жалованье и <i>ублажает</i> его ласкосердыми словесы»;	«Ермак же <i>утешаше</i> (имперфект) его»;
«Бе бо тогда осень, и лед в реках <i>смерзается</i> ».	« <i>Бе</i> бо уже лед <i>смерзашеся</i> (имперфект)».

В последнем примере в РЛ находится необычное сочетание глагольных форм: аорист вспомогательного глагола «*бе*» и имперфект смыслового глагола «*смерзашеся*». Возможно, сокращая текст (см. ЕЛ), автор РЛ неудачно объединил два сказуемых из разных предикативных единиц, заменив форму настоящего исторического имперфектом.

Хорошо в обоих текстах представлен инфинитив. Основная функция инфинитива ограничивается конструкцией составного глагольного сказуемого при ползузнаменательных глаголах начинательных, волеизъявления, желания, возможности. Например: «начаша *стреляти*», «повеле *ставити*», «восхотеша *бежати*», «изволит *стояти*», «не може *доити*» (ЕЛ); «не похотеша *видети*», «не могоша *отвратити*», «начаша *приступати*» (РЛ). В роли второстепенного члена предложения, например обстоятельства цели, инфинитив выступает редко. Ср.: «приехал *советовати*», «посла *очистити* и *разорити*» (ЕЛ); «сяде *зимовати*», «приидоша *просити* людей *оборонити*» (РЛ). В таком употреблении инфинитива в рассматриваемых текстах отличий нет: это, главным образом, инфинитив с показателем *-ти* как принадлежность стандартного книжного и гибридного регистров письменного языка. Незначительные отличия можно отметить в лексическом составе инфинитивов, что связано со степенью эмоциональности, субъективности изложения, архаизации, точности в выражении оттенков значения. Ср.: «*побивати*» (ЕЛ) – «*убивати*» (РЛ); «*битися*» (ЕЛ) – «*братися*» (РЛ); «*вычести*» (ЕЛ) – «*прочести*» (РЛ) и т.п.

Однако в Есиповской летописи есть контексты и независимого функционирования инфинитива – инфинитивное предложение. Особая конструкция, в которой инфинитив выступал в роли экспрессивного, переносного замещения личных форм глагола [Виноградов, 1972], выражала в древнерусском языке правовые нормы, распоряжения и установления власти, волеизъявление, обязательства, необходимость и была распространена в законодательных памятниках и договорных грамотах [Спринчак, 1960]. Инфинитивные предложения отмечены в главе ЕЛ, рассказывающей о посольстве казаков к царю. Ср.: «И к шерсти по их вере привели многих, что *быть* им под его царскою высокою рукою..., и ясак им *давати*, на русских людей зла никакова *не мыслити*»; «и недругом *не спускати*...и самом *не изменить*, к царю Кучюму... *не отъехать*, и зла на русских людей *не думать*, и во всем прямоствательстве *стоять*» (ЕЛ). В данном случае, безусловно, отразилось влияние цитируемого почти дословно источника – так называемой «Шертной грамоты татар, остяков и вогуличей сибирских о вечном подданстве их России» [Ромодановская, 2002, с. 205]. В этой же главе отмечена еще одна интересная конструкция с независимым инфинитивом – инфинитив переходного глагола и форма именительного падежа единственного числа существительного женского рода на *-а*, типа *косить трава*. См.: «А которые похотят к государю в его государскую службу, и тем бы ево *государьская служба служити* прямо» (ЕЛ). Как явление живой речи, эта конструкция широко была представлена в таких памятниках,

как Домострой и Соборное Уложение и, очевидно, С. Есипову была хорошо знакома, так как, цитируя «Шертную грамоту», он восстановил конструкцию в исконном виде. Ср.: «...а которые похотят в его государскую службу, и тем бы его *государскую службу служить* прямо» (Шертная грамота) (цит. по: [Там же, с. 206]).

Особое место в организации повествования занимают формы причастий. Полные причастия (показатель книжности, особенно действительные причастия настоящего времени с церковнославянским суффиксом *-иц-, -иц-* и страдательные причастия настоящего времени [Историческая грамматика русского языка, 1982]) употребляются в роли одиночного определения и в составе причастного оборота. Обычны случаи субстантивации полных причастий, например: «слыша сия от *поведающих*» (ЕЛ), «рече *предстоящим*» (РЛ), «во граде *оставшая*» (ЕЛ), «во граде *оставшиися*» (РЛ); «вся *бывшая*» (РЛ); «противо *нашедших*» (ЕЛ). Ср. также случаи адъективации, типа «*царствующий* град» (ЕЛ, РЛ); «из *огнедышущих* пищалей» (ЕЛ). В сравниваемых текстах полные причастия представлены по-разному. В Есиповской летописи преобладают действительные и страдательные причастия настоящего времени, они употребляются в большинстве случаев в составе причастного оборота или субстантивированно. Кроме того, в тексте ЕЛ отмечены сугубо книжные формы действительных причастий, типа «жегий», «идый», «бывый».

В Румянцевском летописце полных причастий в три раза меньше, и это в основном действительные причастия прошедшего времени. При сопоставлении соответствующих фрагментов текстов становятся очевидными предпочтения автора РЛ: причастия настоящего времени (как сугубо книжный элемент) чаще всего опускаются, разрушая причастный оборот, заменяются формами прошедшего времени или разворачиваются в придаточную предикативную единицу. В других случаях целая предикативная единица трансформируется в полное причастие или причастный оборот, полипредикативная конструкция упрощается, уменьшается ее объем и глагольность. Например:

ЕЛ	РЛ
«в реку, <i>глаголемую</i> Тобол»;	«в реку Тобол»;
«в реку, <i>глаголемую</i> Иртиш»;	«в реку Иртиш»;
«в великую реку, <i>глаголемую</i> Обь»	«в реку Обь»;
«людие, <i>рекоми</i> вогуличи»;	«вогуличи»;
« <i>стояция</i> вне града»;	« <i>бывши</i> за градом»;
«множество остяков, <i>живущих</i> по Великой Оби»;	«остяки, кои <i>живут</i> по Великой Оби»;
«Слышаще, <i>иже во граде беша</i> ...»;	«И <i>бывши во граде</i> , слышав сия...»;
«до места, <i>иже зовомо</i> Атбаш».	«до места, <i>зовомаго</i> Атбаш».

Краткие причастия, наряду с атрибутивной функцией, обладали и предикативной, т.е. могли выступать и в роли сказуемого наравне со спрягаемой глагольной формой. Страдательные причастия прошедшего времени в книжных текстах нередко получали функции перфекта [Историческая грамматика русского языка, 1982], обозначая результат прошедшего действия, например: «не може дойти, понеже *одеян бе* железом» (ЕЛ, РЛ), «Слышав(ше)..., яко Ермак *убиен бысть*...» (ЕЛ, РЛ); «Слышаще (слышавше)..., яко князь Сейдяк *побежден бысть*...» (ЕЛ, РЛ); «Сами видим всего *лишени*, силнии *изнемогоша*, храбрии *избиени быша*»

(ЕЛ). Как видно из примеров, в употреблении форм КСП в текстах ЕЛ и РЛ существенной разницы не наблюдается, поскольку страдательные причастия прошедшего времени не были маркированы как формы сугубо книжные и широко употреблялись в текстах разных жанров, в том числе и деловых. Соотношение КСП настоящего и прошедшего времени в обоих текстах примерно одинаково – один к трем.

Как известно, краткие действительные причастия в древнерусском языке обладали предикативностью и могли выступать в роли самостоятельного сказуемого наравне с глагольным, а также, характеризуя главное с точки зрения различных обстоятельств (времени, причины, образа действия), функционировали как второстепенное сказуемое. С утратой склонения КДП закрепились в роли второстепенных сказуемых, сформировав к концу XVII века особую глагольную форму – деепричастие [Спринчак, 1960].

Но в повествовательных памятниках XVII века КДП еще употребляются как предикативные формы, функционирование же их как собственно деепричастий является инновацией. В сравниваемых текстах инновации занимают разный объем. Как уже отмечалось, Есиповская летопись более архаична по своему языку, так как автор ориентировался на образцы древнейшего русского летописания. Румянцевский же летописец открыт для новых элементов и общерусских языковых процессов.

В Есиповской летописи количество КДП настоящего и прошедшего времени примерно одинаково. Причастия, сохраняя предикативность силу, функционируют как самостоятельные или однородные с глагольным сказуемые. Например: «И много в болезни *плакав* царь и весь дом его» (ЕЛ); «*шед* по Вагаю вверх до места...и не обрете» (ЕЛ); «...воинстии людие молитву *сотворше*...и поидоша ко граду Сибири» (ЕЛ). В роли второстепенных сказуемых выступают КДП от глаголов неактивного действия, связанные с глагольным сказуемым сочинительным союзом, при этом формальная однородность сказуемых сочетается с семантическим неравенством. Например: «*Слышав* же сие во граде оставшая...и плакаху по них...» (ЕЛ); «*Слыша* царь и болезнова о нем» (ЕЛ); «...государь...*слыша* и повеле отписку у них принять» (ЕЛ). Как видно из примеров, принцип согласования КДП с подлежащим по числу кое-где нарушается, что свидетельствует о переходном этапе от КДП к деепричастию. Собственно деепричастия также употребляются в ЕЛ, но гораздо реже предикативных КДП (примерно в три раза). См. самый яркий пример деепричастия: «*подсмотря* стада конския, отгна» (ЕЛ).

В Румянцевском летописце функционирование деепричастия как новой формы более заметно – их более половины от всех употребленных КДП. Кроме того, сокращено количество согласований КДП по числу с подлежащим, уменьшено употребление причастий настоящего времени с церковнославянским суффиксом *-ащ/-ущ-*, преобладают формы с суффиксами: *-а*, *-в*, *-ви-*, *-ш-* или нулевым суффиксом. Ср.: «Они же *шед*, нападаша ноцию»; «*узнав* свое отшествие к богу, повеле...»; «и ту обночеваша, *поставивше* станы»; «*седше* в струги, поплыша»; «*поверя* их шертованию, даша им атамана»; «*убояся*, не приста ко берегу». В двух последних примерах деепричастия образованы от основы совершенного вида – временное значение КДП с суффиксом *-а* (настоящее время) трансформировалось в видовое значение деепричастия (совершенный вид). Очень интересны в этом плане примеры, отражающие не только становление деепричастия как особой глагольной формы, но и формирование на его основе других частей речи. Ср.: «Побежим, *немедля*» – наречие; «И после того малое время *спустя*» – предлог.

Анализ соотносительных частей обоих текстов показал, что для РЛ характерно использование КДП в целях централизации синтаксической конструкции, когда при устранении однородности (при паратактическом соположении) элементов формально выделяются главные и зависимые. Это позволяет сделать высказывание лаконичным по форме и более емким по содержанию. С. Есипов также

владеет приемом свертывания целой предикативной единицы в полупредикативную (в деепричастный оборот), но использует его в тексте летописи нечасто. Ср. деепричастный оборот в ЕЛ: «Казацы же погнаша их вослед их *побивающе*», в то время как в РЛ однородные причастные сказуемые: «Казаки *гоняще* их и *секуще* их вослед» (РЛ). Однако пропорция употребления деепричастных оборотов выше именно в тексте РЛ.

Чтобы продемонстрировать различия в синтаксическом использовании глагольных форм при развертывании повествования, приведем соотносительные фрагменты текста:

ЕЛ

КДП – однородное сказуемое, связанное сочинительным союзом «и» с формой А:

«Слышав же царь Кучюм пришествие и мужество их и храбрость и о сем оскорбися зело»;

«Казацы же на брег *взыдоша* и мужески на поганых наступающе» - аорист и КДП наст. вр., согласованное с подлежащим, как однородные сказуемые разных временных планов, КДП здесь выступает в плане настоящего исторического;

«Царевич же Маметкул *пришед* на них тай со многими людми *и* поби их»;

«Поидоша сии воины *и дошедше* *и* на станы их нападоша нощию».

Ряд однородных глагольных сказуемых в форме А:

«И убояшася и пристрастни быша. И *восхотеша* бежати»;

«Друзии...*уповаша* на бога, утвердиша и прочих, яко да идут заутра против поганых»;

«Ермак же с товарищи посоветова и *повериша* их безбожному шерстованию, отпустиша к нему атамана...»;

«Царь же Кучюм *виде* своих падение изыде на висоце место» - аорист от глагола *видети* употреблен здесь ошибочно: в подобной бессююзной конструкции более оправданна форма КДП (деепричастия).

Высказывание, построенное по принципу цепочечного нанизывания предикативных единиц:

«Месяца ж октября в 23 день вси рустии воины из городка на бой вси *глаголюще*: «С нами бог»...

...и паки *приложиша*: «Боже,

РЛ

КДП – второстепенное сказуемое, деепричастие:

«Царь же Кучюм велми печален бысть, *слыша* их мужество и храбрость»;

«Казаки же *вышед* на брег и сотвориша брань» – КДП прош. вр., не согласованное с подлежащим (стация формирования деепричастия), и аорист как однородные сказуемые плана прошедшего;

«Царевич же Маметкул *пришед* поби тех на станех»;

«Они же *шед* нападоша нощию».

Форма КДП вместо одного из глагольных сказуемых:

И того ради мнози устрашишася, *хотяще* бежати»;

«А инии охрабришася, бога *призвавше* на помощь, поидоша на бой»;

«И *поверя* их шерстованию, даша им атамана...»;

«Царь же Кучюм *видя* своих падение изыде на высочайшее место».

Предикативная единица с четким противопоставлением главных и второстепенных элементов:

«Октября 23 день паки вси совокупишася, *молящеся*...

...и *призывающе* бога на по-

помози нам, рабом своим». Начаша приступати к засеке».

Полипредикативная конструкция с придаточным времени:

Егда же государь услыша божию помощь и силу..., тогда прослави бога...».

мощь, приступиша к засеке» - оба КДП замещают введение прямой речи и саму прямую речь.

Полупредикативный деепричастный оборот на месте придаточной части:

«И услышав сия, прослави бога».

Ярким примером лаконичного повествования и умения использовать в этих целях такую уникальную глагольную форму, как КДП-деепричастие, служит фрагмент, соотносящийся с текстом 12 главы Есиповской летописи, где приводится так называемый «плач» Кучюма. «Плач» представлен конструкцией прямой речи, которая разрывается структурно на две части словами автора. И «плач», и авторские слова органично вплетаются в повествование и служат идейно-художественным целям, выполняя коммуникативную задачу автора – утверждают неизбежность божьего наказания за несправедную жизнь. Так как общая задача РЛ представить краткое и точное изложение исторических фактов, в ней не содержится каких-либо оценок действий Кучюма, речь самого Кучюма сокращена, весь смысл второй ее части точно передан с помощью КДП. Ср.:

ЕЛ

«Тако он и сам на ся рек, к сему же глагола: «...Приидох же и победих ни от кого ж послан, но самозванен приидох корысти ради и величия». Прибеже во град свой царь Кучюм и взя мало нечто от сокровищ своих...»

РЛ

И много укоряя себе, и прибежа во град, и взя мало нечто от сокровищ своих царских...»

Неторопливо и подробно излагая события, С. Есипов увеличивает количество глаголов в высказывании, не боится повторов, дробит действия на фазы и отрезки. В результате синтаксические конструкции осложняются однородными сказуемыми, нанизываем предикативных единиц, другими словами – для текста ЕЛ характерна «многоглагольность». Автор Румянцевского летописца пространственно сжимает повествование, сохраняя основной объем информации, сокращает ряд однородных сказуемых, элиминирует не информативные с его точки зрения глаголы, объединяет в одной лексеме расчлененные фазы одного действия, т.е. уменьшает общую глагольность высказывания. Ср.:

ЕЛ

«Ощутивше же сего колмыцкие людие и погна его вслед, и постигоша их, воя его многих побиша и коня своя отполониша»;

«начаша приступати»;
«Приидоша...послы и просиша...»;

«сяде в нем...и тако озимевше»;
«Поидоша сии воины и дошедше и на станы их нападоша».

РЛ

«Колмацкия же люди догнаша его и войско его побиша и кони своя отполониша»;

«приступиша»;
«приидоша...послы просити»;

«сяде в нем...зимовати»;
«Они же шед нападоша».

Несколько слов следует сказать об обороте «дательный самостоятельный», в предикативный центр которого входило причастие (краткое или полное) в форме независимого дательного падежа. Особая синтаксическая структура оборота позволяла обозначить различные обстоятельства развертывания основного повествования (времени, места, причины, условия) и маркировать эту информацию как дополнительную [Спринчак, 1960]. Резко отличаясь от предикативных единиц номинативного строя, «дательный самостоятельный» нередко приобретал в контексте экспрессивность, стилистическую «высокость». Однако в письменных памятниках XVII века «дательный самостоятельный» был представлен уже незначительным количеством примеров, к тому же лексическая ограниченность при передаче отдельных значений свидетельствует об угасании этой конструкции, превращении ее в шаблонную. В сравниваемых текстах оборот является, скорее, данью традиции, чем активной синтаксической конструкцией, употребляется редко, и совпадений практически нет (см. таблицу). Авторы сами определяют, когда и какой оборот включить в текст. Так, в соотносительных фрагментах текстов в РЛ оборот «дательный самостоятельный» чаще всего отсутствует, его заменяет, например, обстоятельство с соответствующим значением, определение, или предикативная единица номинативной структуры. Ср.:

ЕЛ	РЛ
« <i>Ноци пришедши</i> , и быша вси в размышлении»;	« <i>В ноци же той</i> быша в размышлении»
« <i>Храбровавишу Ермаку</i> з дружиною своею, ходиша стопами сводными... <i>Повоева же</i> многия городки и улусы...»;	«Потом же <i>храбрый Ермак</i> повоева многия городки и улусы...»;
«Князь же Сейдяк...совет потребова с царевичем Салтаном и с Карачею, и абие <i>совету бывишу</i> , поиде...»;	« <i>Сейдяк же</i> посоветовав с царевичем Султаном и с Карачей, и поидоша вси трое...»;
«В то же время бысть во граде Сибири глад крепок. Да егда приидоша воинстии людие, наипаче <i>гладу обдержавишу</i> , мнози же гладом умроша...»;	«В то же время в Сибири глад бысть крепок, и мнози от глада умроша... <i>Понеже</i> приидоша множество войска и <i>того ради наипаче</i> <i>глад бысть</i> ...»;
«Приидоша же в дом Данила Чюлкова и вси сядоша за стол, уже бо <i>ястию готову суишу</i> » - оборот содержит КДП настоящего времени, что переводит повествование в план настоящего исторического, повышая его экспрессивность.	«Приидоша в дом к воеводе, седоша за стол и начаша ясти» - позицию «дательного самостоятельного» занимает сказуемое в форме аориста, конструкция в целом остается нейтральной.

В большинстве случаев в РЛ оборот «дательный самостоятельный» изымается из контекста без особого ущерба для повествования. Ср.:

ЕЛ	РЛ
«Да егда убо под Чювашевым ста бранное ополчение, воинстии же людие утрудися, <i>уже бо ноци пришедши</i> , отгидоша отгуду»;	«Казаки же с побоища того поидоша во свой городок, яко поутрудишася»;
«Поидоша сии воины и дошедше и на станы их нападоша ноцию, <i>овем спящим, овем же не спящим, видящим</i> еще».	«они же шед нападоша ноцию».

Если в РЛ и сохраняется оборот «дательный самостоятельный», то используется причастие от другого глагола, в чем проявляются предпочтения автора. Ср.: «*Пришедиши же ноци...*» (ЕЛ) – «*Наставиши же ноци...*» (РЛ).

Эмоциональность-нейтральность текста связана с авторскими коммуникативными стратегиями. Поскольку С. Есипов видит свою авторскую задачу в эмоциональном воздействии на читателя, он использует все языковые средства, повышающие экспрессивность повествования, маркирующие его как высокое. Для Есиповской летописи характерно употребление описательных оборотов, тавтологических сочетаний (*приближишиася близ града, радостию радующеся, отъиде от..., доиде до...*), экспрессивных и книжных глаголов с общим значением (*отъиде, побивати*). Кроме того, как отмечалось выше, стилистической приподнятости, эмоциональности повествования способствует переносное функционирование глагольных форм: форм настоящего времени в плане настоящего исторического, инфинитива как заместителя спрягаемой формы в инфинитивном предложении со значением обязательства, а также использование оборота «дательный самостоятельный» как дань высокой книжной традиции.

В Румянцевском летописце элементы с высокой стилистической окраской или экспрессивностью нейтрализованы: автор не ставит задачу воздействовать на читателя, он его информирует. Вместо описательных оборотов используется одна глагольная лексема, глаголы с абстрактным или общим значением в большинстве случаев заменяются точным глаголом с конкретным значением (*уеха от..., убивати; зла не зделать*). Устраняется тавтология (*бышиа близ града, прииде к...*), формы настоящего времени имеют прямое употребление (ср. отсутствие контекстов с настоящим историческим), а «дательный самостоятельный» выступает как трафаретная конструкция. Различия текстов видны при сопоставлении соответствующих фрагментов:

ЕЛ	РЛ
<p style="text-align: center;">Описательные обороты:</p> <p><i>вдашиася невозвратному бегству;</i></p> <p><i>на бежение устремишиася, убоишиася и пристрастни бышиа;</i></p> <p><i>бысть смертное поражение поганым;</i></p> <p><i>бысть брань;</i></p> <p><i>вниде во уши поганым.</i></p> <p style="text-align: center;">Экспрессивные и книжные глаголы и глагольные словосочетания:</p> <p><i>мужески на поганых наступающе;</i></p> <p><i>мужески ополчитися;</i></p> <p><i>пленен бысть (КСП с неполногласием, связка в аористе);</i></p> <p><i>рыдаху на мног час;</i></p> <p><i>отъиде восвояси со срамом;</i></p> <p><i>оскорбися зело;</i></p> <p><i>нимало того устрашишиася;</i></p> <p><i>бранное ополчение;</i></p> <p><i>поведаша, поведа, возвестишиа.</i></p>	<p style="text-align: center;">Один глагол:</p> <p><i>побегошиа;</i></p> <p><i>побежа; побегошиа</i></p> <p><i>устрашишиася;</i></p> <p><i>паде множество поганых;</i></p> <p><i>бишиася;</i></p> <p><i>услышавше погании.</i></p> <p style="text-align: center;">Нейтральные, общеупотребительные глаголы и глагольные словосочетания:</p> <p><i>сотворишиа брань;</i></p> <p><i>идти бранию;</i></p> <p><i>взят в полон (КСП от полногласного глагола без связки);</i></p> <p><i>плакашиа;</i></p> <p><i>возвратися со стыдом восвояси;</i></p> <p><i>си;</i></p> <p><i>велми печален бысть;</i></p> <p><i>нимало не убоишиася;</i></p> <p><i>с побоища;</i></p> <p><i>сказа, сказа, сказашиа.</i></p>

Завершая сопоставление текстов Есиповской летописи и Румянцевского летописца, следует еще раз обратиться к отражению в них новых тенденций в развитии русского языка, обновления грамматической системы. К инновациям можно отнести не только формирование деепричастия как особой глагольной формы, о котором уже говорилось выше, но и более четкое противопоставление совершенного и несовершенного видов, новые модели глагольного словообразования и новые глаголы. Все эти явления отражены в РЛ, в то время как архаичная языковая система ЕЛ характеризуется большим консерватизмом. Ср.:

ЕЛ	РЛ
Двувидовые глаголы:	Глаголы совершенного вида:
«Воинстии же людие <i>уповаша</i> на бога»;	«...они же <i>упование</i> на бога <i>возложиша</i> »;
«...через Камень <i>бежаше</i> к Руси»;	«...черес Камень <i>побегоша</i> к Руси»;
«и <i>бежа</i> , идеже пребываше»;	«и <i>побежа</i> восвояси»;
«...но <i>плыша</i> вниз по Иртышу»;	«...но <i>поплыша</i> вниз по Иртышу»;
« <i>Идоша</i> же в Сибирь Чюсовою рекою»;	«И <i>поидоша</i> в Сибирь Чюсовою рекою»;
«На усть же тоя реки <i>яша</i> тотарина»;	«На усть же той реки <i>поимаша</i> тотарина»;
«и жива <i>яша</i> царевича»;	«и <i>взяша</i> его жива»;
«и паки <i>шед</i> ».	«и паки <i>поиде</i> ».
Архаичные по словообразовательной структуре глаголы:	Глаголы с продуктивной моделью словообразования:
<i>избегоша</i> ;	<i>побегоша</i> ;
<i>избиша</i> ;	<i>убиша</i> ; <i>побиша</i> ;
<i>изгна</i> ;	<i>согна</i> ;
<i>отъидоша</i> ;	<i>поидоша</i> ;
на брег <i>взыдоша</i> ,	<i>вышед</i> на брег;
<i>изыде</i> на реку Туру.	<i>прииде</i> на реку Туру.
Архаичные, книжные глаголы:	Общепотребительные глаголы:
<i>постигоша</i> , <i>достигоша</i> ;	<i>догнаша</i> , <i>догна</i> , <i>догнаша</i> .
<i>вычести</i> ;	<i>прочести</i> ;
<i>прибеже</i> (от <i>прибечи</i>);	<i>прибежа</i> (от <i>прибежати</i>);
<i>поведаша</i> , <i>возвестиша</i> ;	<i>сказа</i> , <i>сказаша</i> ;
<i>уведети</i> .	<i>узнати</i> .

Такова общая характеристика употребления глагольных форм в Есиповской летописи и Румянцевском летописце, двух памятниках, так или иначе связанных друг с другом своим происхождением. Количественные и качественные различия в функционировании глагола позволяют охарактеризовать оба текста в рамках следующих оппозиций: авторская объективность – субъективность в отношении к фактам; нейтральность – эмоциональность повествования; лаконизм – пространность изложения; обновление – архаизация языка; преобладание синтаксиса логического развертывания информации (гипотаксис) или синтаксиса соположения частей (паратаксис).

Особенностями языковой организации Есиповской летописи являются общая стилистическая приподнятость, эмоциональность повествования; авторская причастность, субъективность оценок; подробное изложение событий, реализуемое в рядах однородных сказуемых (многоглагольность); преобладание паратаксиса над

гипотаксисом, расплывчатость конструкций за счет введения в них второстепенных членов предложения, однородных членов и предикативных единиц, находящихся в отношениях соположения, а не централизации. При этом языку ЕЛ присуща неоднородность: в архаичный и (церковно)славянизированный, т.е. книжный язык оказываются вкрапленными яркие элементы других узусов – делового и разговорного. Это памятник литературы Сибири, летопись, написанная литературным языком, в котором сосуществуют и переплавляются архаичные и новые, книжные и общерусские элементы.

Для языковой организации Румянцевского летописца более характерны общая нейтральность текста, сдержанность повествования; стремление к объективной передаче информации, отстраненность (невключенность) автора. При общей ориентации на книжные образцы и архаичном характере склонения и спряжения проявляется стремление к обновлению этой системы; устранение многословия (элиминирование рядов однородных сказуемых); упрощение синтаксических конструкций, приведение паратактических высказываний, построенных по принципу цепочечного нанизывания предикативных единиц, к централизованным конструкциям с четко выраженным ядром и зависимыми, второстепенными элементами. Не связанный никакой литературно-философской концепцией (в отличие от С. Есипова), автор РЛ составляет краткий рассказ, не считая нужным придать повествованию художественную изобразительность. Поэтому языковая система РЛ более проста и однородна, строго выдержана в рамках обновленного книжного узуса, освоившего и подчинившего новые элементы, но сохранившего наиболее нейтральные архаичные и церковнославянские элементы.

Список условных обозначений

- ЕЛ – Есиповская летопись
- РЛ – Румянцевский летописец
- А – аорист
- И – имперфект
- КДП – краткое действительное причастие
- КСП – краткое страдательное причастие

Литература

- Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Бахрушин В.С. Научные труды: М., 1955. Т. 3.
- Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
- Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
- Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия сибирского летописания / Концепция. Материалы. Новосибирск, 2000.
- Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.
- Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р.И. Аванесова, В.В. Иванова. М., 1982.
- Летописи сибирские / Сост. и общ. ред. Е.И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1991.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1.
- Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век // Ромодановская Е.К. Избранные труды. Новосибирск, 2002.
- Русская грамматика: В 2 т. М., 1980. Т. 1.
- Спринчак Я.А. Очерк русского исторического синтаксиса. Простое предложение. Киев, 1960.